

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
на год (50 №№) . . . 20 франковъ
» 3 мѣсяца 6 »
» 1 мѣсяцъ (4 №№) 2 »

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

Отдѣльные нумера продаются
по 50 сантим. въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденція въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE» Poste-restante, Eaux-Vives, Genève.
Желающихъ имѣть лично объясненія съ редакціей просить обращаться по тому же адресу.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 50 centimes.

ВТОРНИКЪ 3 января
22 декабря

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Подтвержденіе достовѣрности австро-русскаго протокола, сообщеннаго въ № 19 «Вольнаго Слова». — 2) Новыя заявленія о необходимости общаго земскаго собора въ Россіи. — 3) Загрызлись! — 4) Самодержавіе и консерваторы въ Россіи и Болгаріи. — 5) Нѣчто о чистотѣ средствъ. (По поводу новаго заявленія исполнительнаго комитета) М. Драгоманова. — 6) Изъ Петербурга. (Корреспонденція «Вольнаго Слова»). — 7) Изъ Москвы (тоже) Н. Ф. 8) Герцеговинско-Боксезское возстаніе. Изъ Котора. (Корресп. «В. Сл.». II—ча. 9) Литературно-политическія замѣтки. I. Новыя русскія статьи по польскому вопросу. М. Драгоманова. — 10) Письма о рабочемъ движеніи. XII. Отчетъ краковско-познанскаго делегата на международномъ социалистическомъ конгрессѣ въ Хурѣ объ условіяхъ дѣятельности польскихъ социалистовъ. 11) Политическіе ссыльные въ Сибирь: административные каторжные и «Чигиринцы».

ЖЕНЕВА, 3 января, 1882.

Сообщенный нами, въ № 19 «В. С.», документъ о русско-австрійскомъ соглашеніи по Восточному вопросу, перепечатанный большею частію газетъ различныхъ европейскихъ странъ, вызвалъ, со стороны официальныхъ органовъ русскаго, австро-венгерскаго и германскаго правительствъ, болѣе или менѣе рѣшительныя возраженія.

Мы говоримъ возраженія, а не опроверженія потому, что правительственные органы, съ похвальнымъ благоуміемъ, но съ менѣе похвальнымъ расчетомъ на непроницательность публики, не стали опровергать существованіе соглашения, а—или, какъ германскіе офиціозы, ограничились указаніемъ на несообразность упоминанія гр. Андраши, имя котораго почему-то было вставлено переводчикомъ «Times», но вовсе не находилось въ напечатанномъ нами текстѣ,—или же, какъ «Journal de St.-Petersbourg», объяснили, что «государственными людьми

не было подписано ни трактата, ни конвенціи» *).

Заявленіе газеты нашего М. И. Д. совершенно согласно съ нашими свѣденіями: мы никогда не утверждали, что былъ подписанъ трактатъ или конвенція, а сообщили о подписаніи протокола, этой новѣйшей формы дипломатическихъ актовъ, которая иногда предшествуетъ заключенію трактата, иногда же считается достаточно обязательною для правительствъ и имѣетъ еще то преимущество передъ трактатами и конвенціями, что послѣдніе немедленно сообщаются парламентамъ, тогда какъ протоколы хранятся въ дипломатическихъ канцеляріяхъ.

Но если, въ интересъ разъясненія истины, намъ было пріятно встрѣтить косвенное подтвержденіе нашего сообщенія органами трехъ заинтересованныхъ правительствъ (прямого подтвержденія мы, конечно, отъ нихъ и не ожидали), то намъ очень грустно видѣть начало примѣненія протокола на балканскомъ полуостровѣ. Румынское правительство, такъ мужественно защищавшее независимость отъ Австріи Нижняго Дуная, узнавъ о направленномъ противъ Румыніи пунктѣ русско-австрійскаго соглашения, нашлось вынужденнымъ подчиниться волѣ вѣнскаго кабинета.

Въ слѣдующемъ номерѣ мы разсмотримъ заключенное Россіей и Австріей соглашеніе съ точки зрѣнія русскихъ и вообще европейскихъ интересовъ, а также и интересовъ дунайскихъ и балканскихъ народовъ въ особенности.

До того надобла повсюдная и всюду сущаяся административная опека, до

*) Il n'a pas été signé par les hommes d'Etat.; редакция этой строки въ сообщеніи, сдѣланномъ газетою г. Горна, намъ кажется неосторожною: она можетъ подать поводъ къ толкованію, будто договоръ былъ подписанъ дипломатами, неслужащими названія государственныхъ людей.

того сдѣлала она бесполезнымъ, если не исполнѣ невозможнымъ, всякое легальное проявленіе общественной самодѣятельности, что наши земскіе люди, наконецъ, почувствовали себя не на мѣстѣ, нашли, что царскою милостію дарованное имъ право стѣзжаться разъ въ годъ для обсужденія мѣстныхъ «нуждъ» и «пользъ» въ сущности ни къ чему иному не приводитъ, кромѣ раскладки обязательныхъ сборовъ, всецѣло поглощаемыхъ нуждами государственнаго правительства, безъ всякой пользы для населенія, на долю котораго выпадаетъ только пользованіе весьма скромнымъ бюджетомъ необязательныхъ расходовъ и то инаиначе, какъ съ дозволеніемъ и подъ контролемъ начальства. Земства, до послѣдняго времени отличавшіяся наибольшею ретивостію, въ нынѣшній сезонъ губернскихъ собраній стали относиться до того вяло къ задачамъ мѣстной дѣятельности, что въ иныхъ губерніяхъ собранія не могли состояться въ срокъ по неявкѣ узаконеннаго числа гласныхъ, въ другихъ—прекращались необычайно рано, въ третьихъ, наконецъ, велись крайне небрежно и расходились, не разрѣшивъ поставленныхъ на очередь вопросовъ. Такое поведеніе земскихъ гласныхъ особенно рѣзко обозначилось на 9-ти губернскихъ собраніяхъ: черниговскомъ, харьковскомъ, полтавскомъ, херсонскомъ, воронежскомъ, новгородскомъ, тверскомъ, московскомъ и саратовскомъ. Тѣмъ или инымъ способомъ, въ большей или меньшей степени, забастовка дѣятельности обнаружилась почти въ четвертой части общаго количества губернскихъ земствъ. Фактъ поразительный! Понятно, что наша легальная печать старается подыскать ему объясненіе, не выходя, разумѣется, за предѣлы обязательной передъ законами страны сдержанности. Мы поставлены совѣмъ въ иныя условія, можемъ говорить, не стѣсняясь рамками дозволеннаго, а по-

парода, привыкшего к кризисам, и я удивляюсь, что никакие газеты, не исключая и русских, не обращают на него достаточного внимания; они рассказывают выдумки о кровопролитных сражениях, а не говорят ни слова об истинном факте, гораздо более замечательном.

Издавна привыкли герцеговинцы и босняки убивать в горы и леса или на чужбину от своих врагов, угнетателей турок, но убивали после Юрьева дня, когда земля уже оделась зеленью и можно было и в горах жить на открытом воздухе. Нынче же бегут среди зимы, бегут куда глаза глядят, без цели, без надежды, только чтобы уйти от швабских культуртрегеров! Говорят, что если бы была какая-либо надежда на успех, на помощь откуда бы то ни было, то все бы убегали в горы или возстали, все — мусульмане, православные и даже католики всей Боснии и Герцеговины. Каждый, кого ни спрашивай, говорит: «Аустрија је горе него турска» (Австрия хуже Турции). И замечательно, что жалуются не на какую-нибудь культурную пропаганду, а именно на употребление Австрией так называемых средств, которыми и Турция гнушалась, но крайней мере в XIX веке, напр., и значение цыган заголовка каждого из вождей востанов! За голову Стояна Ковачевича сначала было обещано 100 австрийских гульденов, теперь же назначено 300. «Это», говорят беглецы, «ужь слишком грустно».

О разбрате, которые приняло бегство, можно судить по тому факту, что в небольших городах Боснии за прописку насиров в один день взимается до 90 и 100 гульденов; а сколько таких, которые не могут заплатить за насиров и бегут тайно за границу или идут в гайдуки! Некоторые из лучших патриотов боятся опустить земли и заселения ее австрийцами и потому стараются удержать бегущих, уговаривают их ждать весны; но весною-то и ждать их рекрутский набор в неопределенное им войско. Видя этот «исход» народа, австрийцы недавно запретили боснякам, при отправлении в путь, провозить недвижимое имущество, герцеговинцам же — брать с собою семейство. И что же?... Те и другие бросают имущество, покидают жен и детей и все так бегут...

Все, что я слышал из Боснии — Герцеговины и из Сербии, а также все, что я видел в Далмации и Черногории, заставляет меня думать, что устанамы нынче еще менее можно надеяться на успех, чем в прошлое возстание. Нетолько потому, что Босния и Герцеговина заняты сильным войском, постоянно подкрепляемым из соседних областей Австрии, но и потому, что помощи не может быть ни откуда: Сербия не может отстоять от Австрии и собственной независимости, в Черногории же народ каждую минуту готов на борьбу и жаждет ее, но князь и его приближенные совершенно против нее. Последнее — факт, в котором я лично убедился и который имеет свои глубокие причины во внутреннем экономическом и социальном положении Черногории. Об этом весьма интересно и совершенно неизвестном предмете, мне передана, с просьбой перевести ее для вашего журнала, статья на сербском языке, под заглавием: «Социальный вопрос в Черногории», писанная одним из знатоков этой страны; я приняла ее немедленно по окончании перевода.

И прибыл в Которь в самое время приезда сюда нового начальника края, генерала Ювановича, с значительной военной и гражданской свитой. Из разговоров с местными жителями я убедился, что сообщенная вам мною причина отставки Родича совершенно верна: он стоял за нарушение договора, который был заключен с кривошанцами в Кнезлац в 1869 г. Хотя и много грехов, имевших на думу этот старый честолюбец, но, видно, тут заговорила совесть и старая сербская кровь. Родич, как и Юванович, — серб, родом из Боснии, (где и до сих пор есть фамилия Родичей, из которых один, Милош

Родич, был даже начальником отряда в прошлом возстании). Оба они женаты на двух сестрах, внучках знаменитого сербского патриарха Раячича, поднимавшего знамя возстания против мадьяр в 1848 г. Поэтому, Ювановичу, как и его предшественнику, весьма трудно действовать против кривошан, как другие австрийские генералы действуют против босняков и герцеговинцев. Юванович, по видимому, не думает нападать на возставших в Кривошан; он даже отвел войска назад и запретил выходить из черты городов приморья. Вероятно, он надеется привести кривошан к подчинению одним офицерием их страны и переговорами. Дело следовательно в том, захотят ли последние войны в соглашении и отделиться от герцеговинцев.

Не могу не упомянуть о большой уверенности, высказываемой австрийскими чиновниками и офицерами. «Мы не можем сомневаться в победе», говорят они, — потому что, несмотря на княжества (Сербия и Черногория) с нами, но и Россия за нас». Они уверяют, будто между Россией и Австрией уже существует союз для раздвигания Турции между собою.

Вокезы, т. е., жители приморья, не разделяют уверенности в победе австрийцев, а напротив боятся, что кривошане наскучат бездействием, да, не взирая на войска, и двинутся к берегу; а тогда города могут быть очень пострадать, как и было в прежнем возстании.

По всей Далмации теперь сильное брожение. Новый закон об армии, недавно вотированный венским рейхстагом, увеличивает тягости военной повинности, которая будет особенно чувствительна для Далмации. К службе в действующей армии будут призываться этих пор и 4-ый разряд, бывший от не освобожденным; служба же во флоте продлена на один год. Известно, что почти все австрийские матросы — далматинцы.

П — ичъ.

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

I.

Новые русские статьи по польскому вопросу.

Русская журналистика помещает в последнее время довольно часто статьи по польскому вопросу и при том статьи, которых цель обыкновенно определяется словами: «о примирении с поляками». Помещение этих статей, смысл которых, по нашему мнению, лучше бы выражать словами: «о признании со стороны русского государства национально-политических прав польского народа», — есть вещь по всяком случае утилитарная. Ибо только, что отсутствие свободы печати в России препятствует авторам этих статей договариваться до конца, а вместе с тем препятствует иногда возражать на некоторые положения «миротворцев», которые решают вопрос польский столько же в одностороннем направлении, сколько и их противники. Эту неполноту обсуждения польского вопроса должна исправить печать заграничная, и потому мы, хотя очень бы желали перейти к обсуждению других очередных вопросов, должны остановиться на новейших русских статьях, посвященных польским делам, тем более, что на этот раз перед нами статьи, помещенные в двух из наиболее уважаемых публикой журналах: в московской «Русской Мысли» и в петербургской «Вестнике Европы», и при том статьи, которые не прошли незамеченными в русской, и в польской журналистике.

Статья в «Русской Мысли», (за 1881 г., Ноябрь) озаглавлена: «Открытое письмо по польскому вопросу» и подписана буквами Н. С. Письмо это по всем мыслям примыкает к статьям, напечатанным в 1881 же году в «Вестнике Европы» — «Австрия, Германия и Славяне», которые обратили на себя внимание польской печати и, если не ошибаемся, вышли в польском переводе. Статьи эти подписаны теми же буквами и, по всей вероятности, принадлежат тому же лицу, что и «Открытое письмо». Нам было бы приятно приветствовать нового писателя, специально занимающегося славянскими делами и работающего в направлении, весьма мало еще занимающем себя последователей в среде русских славянофильствующих публицистов. Направление это в общем более или менее федеральное. В частности «Открытое письмо» рекомендует основать русскую политику по отношению к полякам на принципах: «вольный с вольным, равный с равным» и предлагает, — как и редактор «Р. Мысли», — начать ее с основания польского университета в Варшаве, поставив в тоже время рядом с ним русский университет в Вильне.

О последнем и о тех мыслях, какими г. Н. С. сопровождает свое предложение, мы скажем далее, а первому, как и вообще основным намерениям автора не можем не выразить сочувствия. Но мы с сожалением видим, что «Письмо» г. Н. С. заключает в себе столько неточностей, которые, будучи подхвачены противниками его симпатичной идеи, могут повредить ее распространению в публике. Мы должны указать автору на эти неточности, довольно, впрочем, обычные в рассуждениях русской печати об «окраинах России», — указать в надежде, что на будущее время нам не придется встречать ни их, ни подобных им в статьях того же направления по тому же вопросу.

Прежде всего нам кажется, что автор не с должной определенностью употребляет термин «Западный край», (каковой край автор справедливо не желает признавать за Польшу). Автор, кажется, смешивает это общее выражение с частным — «Сверозападный край» (Ловенск., Виленск., Гродненск., Минск., Могил., Витебская губ.) так как в «Зап. Край» входит и т. наз. Югозападный (Киевск., Под., Вол. губ.) От этого смешения происходят у него неточности в определении этнографического состава населения Зап. Края (стр. 8 и 15).

Советуя дать предполагаемому Виленскому университету, как можно, более свободы, г. Н. С. говорит: «Что дело это будет полезное и действительно могущественным образом двинет вперед русскую культуру в Западном крае, тому порукой блестящая деятельность Киевского университета за то время, когда в него еще не проникла бюрократия с неизменно сопровождающим ее духом формализма и насилия. Покуда Киевский университет оставался относительно свободным, он дал таких деятелей, как Костомаров, как Кулиш, основавшие журнал Основу, как Антонович и Гогоцкий, издававшие Киевский Телеграф, и

другие. Эти деятели и их органы, вмѣстѣ съ создавшимъ всѣхъ ихъ университетомъ, съ такимъ замѣчательнымъ успѣхомъ вели борьбу съ полонизмомъ на югѣ, съ какимъ она никогда не велась ни прежде, ни послѣ того. Тогда было время иное, и дѣятельность Кіевскаго университета вынуждена была прекратиться, не успѣвъ припестить всѣхъ тѣхъ плодовъ, которыхъ край имѣлъ право ожидать отъ нея. Университетъ и его дѣятельность были заподозрѣны въ революціонныхъ и еще какихъ-то сепаратистскихъ стремленіяхъ, вслѣдствіе чего свободныхъ профессоровъ замѣнили учеными чиновниками, а независимыя газеты—издаваемыя на казенныя деньги органомъ шаблоннаго характера, по образцу «охранительныхъ» газетъ. Бюрократія принялась хозяйничать на всей своей волюшкѣ и, по обыкновенію, убила въ концѣ отлично поставленное дѣло, и не только убила, но отчасти создала то самое, до той вообразимое, зло, котораго до ея появленія не было и въ поминѣ и противъ котораго она призвана была бороться». Тутъ дѣлѣ рядъ неточностей: Костомаровъ—воспитанникъ харьковскаго университета, а не кіевскаго; Кулишъ не былъ студентомъ ни въ какомъ университетѣ; Антоновичъ никогда не издавалъ «Кіевскаго Телеграфа» и даже не написалъ въ немъ ни строчки; издавался К. Т. въ 1875 г., — когда онъ приобрѣлъ значеніе газеты съ демократически-украинскимъ федеральнымъ направлениемъ, — г-жею Гоголю, (съ которою, впрочемъ, послѣ полугодовой работы разошлись сотрудники того направления, которое разумѣетъ г. Н. С.). Пр. же Гогоцкій писалъ явные и тайные доносы на этого «Кіевскій Телеграфъ» и его сотрудниковъ. Затѣмъ никогда, кіевскій университетъ не былъ свободнымъ (о такомъ чудѣ было помечтали украинскіе козаки въ XVII ст., но русскія имперія такого чуда не видѣла); а профессора кіевскаго университета всегда оставались въ громадномъ большинствѣ чиновниками, на выборъ и мнѣнія которыхъ администрація всегда имѣла огромное вліяніе. Интересно, что даже въ началѣ 1860-хъ годовъ, — когда университетамъ вообще, а кіевскому въ особенности (благодаря Н. И. Пирогову и остаткамъ его вліянія и послѣ его отставки) правительство отпустило поводья, — совѣтъ кіевскаго университета (въ значительной степени состоявшій изъ цѣмцевъ и великоруссовъ) въ «Замяткахъ на проектъ устава среднихъ и низшихъ заведеній» предложилъ замѣнить слова «отечественный языкъ» словами: «русскій языкъ», чтобъ не было сомнѣнія въ томъ, что народное образованіе должно во всей имперіи производиться на языкѣ «государственномъ»; такое заявленіе профессоромъ кіевскаго университета сдѣлано было въ противнѣстѣ мнѣніямъ большинства совѣтовъ учителей гимназій кіевскаго округа, — конечно, бывшихъ студентовъ к. университета, людей мѣстныхъ, которые и высказались въ пользу мѣстныхъ народныхъ языковъ. Не «университетъ и его дѣятельность заподозрѣны были въ разнѣхъ «стремленіяхъ» и проч., а отдѣльные лица изъ профессорскіхъ; такъ, въ 1847 г. былъ арестованъ Костомаровъ, который былъ не допущенъ къ занятію кафедръ

ры въ Кіевѣ: въ 1863-мъ году, когда тому воспротивился ген. губ. Анненковъ, — причемъ на сторонѣ ген.-губернатора оказался и ректоръ университета Иванишевъ и добрая доля самаго филологическаго факультета. Въ 1870-е годы, послѣ десятка лѣтъ вакацій въ Кіевѣ кафедры русской исторіи, опять возникла мысль о приглашеніи на нее Костомарова, но опять была заглушена, не только благодаря гр. Толстому, но и многимъ профессорамъ университета. Въ 1876 г. былъ удаленъ одинъ профессоръ к. университета, по представленію гр. Толстого императору, вслѣдствіе чего вышелъ въ отставку другой профессоръ. Вотъ и вся «замѣна свободныхъ профессоровъ учеными чиновниками». Что до газетъ, — то субсидируемая газета «Кіевлянинъ» существуетъ съ 1864 г., — а «Кіевскій Телеграфъ», запрещенный въ 1876 г. за его украинофильскіе грѣхи въ 1875, покушался быть независимымъ только въ 1875 г. Бюрократія никогда не переставала хозяйничать и въ университетѣ, и надъ печатью въ Кіевѣ, какъ и во всей Россіи.

Не совсѣмъ точны свѣденія г. Н. С. и о противообрусительной публицистикѣ, появленіе которой авторъ считаетъ только отъ времени сербской войны. Собственно противообрусительные голоса никогда не прерывались въ русской печати и при всякомъ случаѣ прорывались и въ 60-е годы, напр. въ «С-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» редакціи г. Корша (каково то это вспоминать теперешнимъ публицистамъ «Новаго Времени»?). Рѣшительнѣе же эти голоса стали раздаваться со времени паденія Наполеона III и торжества воинствующаго германизма. Въ 1872 г. «Вѣстникъ Европы» (II — V) далъ мѣсто нашимъ четыремъ статьямъ: «Восточная политика Германіи и обрусеніе», построеннымъ на идеѣ близкой въ той, которую проводятъ статьи г. Н. С. Въ то же время появилось нѣсколько статей на подобную же тему и въ московскомъ обозрѣніи «Бесѣда», той же редакціи, что и теперешняя «Русская Мысль». Со времени же паденія Наполеона начинаются и польскіе голоса въ «примирительномъ» духѣ, — изъ которыхъ самый разумный и свободномысленный—это голосъ автора брошюры «Głos z Kogony» (Kraków 1873). Последняя война была слѣдующимъ этапомъ къ развитію «антиобрусительныхъ» и «примирительныхъ» идей, которыя, впрочемъ, не были никѣмъ изложены въ Россіи сколько нибудь систематически, но весьма понятной причинѣ: по отсутствію въ ней свободы печати, а особенно въ краяхъ, наиболѣе заинтересованныхъ въ рѣшеніи польскаго вопроса. Одна изъ газетъ одного изъ такихъ краевъ, — а именно, тотъ самый «Кіевскій Телеграфъ», о которомъ упоминаетъ г. Н. С., передъ самымъ началомъ сербо-болгарскаго взрыва, который былъ предвидѣнъ этимъ органомъ «кіевскихъ украинофиловъ», — посвятила было нѣсколько статей пересмотру польскаго вопроса въ связи съ обще-славянскими, но должна была умолкнуть. Впрочемъ, поднятъ вопроса о правахъ поляковъ, въ виду толковъ объ освобожденіи сербовъ и болгаръ, было на столько естественно, что «Новое Время», которое теперь является про-

тивникомъ уступокъ полякамъ, въ 1876 г. помѣщало статьи въ пользу «примиренія» съ ними, — а вообще со временъ общественнаго движенія въ пользу освобожденія славянъ вопросъ объ уступкахъ полякамъ сталъ въ рядъ обычныхъ вопросовъ въ русской журналистикѣ, которая посвятила ему не мало статей въ послѣдніе годы.

Впрочемъ, надо сказать, что большая часть этихъ статей имѣетъ цѣну главнымъ образомъ только какъ заявленіе благихъ намѣреній и мало подвигаетъ разработку реальныхъ подробностей вопроса. Причинъ этому, по нашему мнѣнію, — уже въ сущности знакомому читателямъ «В. Слова», двѣ: первая, постановка польскаго вопроса какъ то отдѣльно, безъ связи съ общимъ вопросомъ политической свободы въ Россіи, — вторая: постановка этого вопроса только между поляками и русскимъ государствомъ, — съ забвеніемъ, что въ немъ существуетъ и вопросъ между польскою государствомъ съ аристократіею, носительницею традицій этой государственности, и не польскими народами западной Россіи. Если первая особенность русскихъ статей о польскомъ вопросѣ зависитъ въ значительной степени отъ цензуры, — то вторая происходитъ отъ односторонняго національно-государственнаго воспитанія, столько же свойственнаго русскому обществу, какъ и польскому, — каждому по своему, конечно.

Эти недостатки видны и въ статьѣ г-на Н. С.—

Статья эта наиболѣе ясно говоритъ объ уступкахъ полякамъ въ дѣлѣ народнаго образованія, развивая особенно мысль о необходимости польскаго университета въ Варшавѣ. Но врядъ ли можно сомнѣваться, что даже и такой уступки поляки не получаютъ раньше установленія общей политической свободы въ Россіи. А эта послѣдняя можетъ быть получена только при общемъ движеніи всѣхъ краевъ и народовъ Россіи. Друзья поляковъ и должны поэтому стремиться къ организаціи этого общаго движенія, — а для этого и должны выставить программу, которая дѣйствительно удовлетворяла бы интересы всѣхъ этихъ краевъ и народовъ. Къ сожалѣнію, мы должны сказать, что въ статьѣ г. Н. С. мы видимъ уклоненіе отъ принциповъ такой программы.

Соглашаясь съ тѣмъ, что говоритъ г-нъ Н. С. о народномъ образованіи въ Варшавскомъ Округѣ, мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, что онъ говоритъ объ образованіи въ округѣ Виленскомъ. Въ послѣднемъ г-нъ Н. С. признаетъ законною систему «обрусенія» не только относительно бѣлоруссовъ, но и литовцевъ, исключая изъ этой системы малоруссовъ, которыхъ, впрочемъ, по его словамъ, въ этомъ округѣ мало (въ Гродненской и Минской губерніяхъ). Но хотя у бѣлоруссовъ сознаніе своей національности и литературное возрожденіе и не проявляютъ себя такъ, какъ у украинцевъ, однакожъ они не перестаютъ быть народомъ все таки отличнымъ отъ великоруссовъ, а потому по крайнѣй мѣрѣ у нихъ элементарное народное образованіе не можетъ тамъ идти успѣшно иначе, какъ при употребленіи народнаго языка въ

школахъ. Если судить по громадному распространению украинскіхъ пѣсень въ Бѣлорусіи, то можно думать, что, при свободѣ общественной дѣятельности въ Россіи, украинская литература можетъ получить распространение въ Бѣлорусіи, конечно, въ особѣхъ изданіяхъ, приравленныхъ правоисчисаніемъ къ бѣлорусской фонетикѣ, — а въ западныхъ частяхъ Бѣлорусіи, особенно въ Виленской губерніи, и въ изданіяхъ латинской азбукой. Что же касается до литовцевъ, то осужденіе ихъ на обрусеніе по меньшей мѣрѣ преждевременно, — и идея Гильфердинга, противъ которой возстаетъ г. Н. С., вовсе не такъ непрактична, какъ кажется г. Н. С., особенно будучи совершенно очищена отъ православной примѣсы *). Во всякомъ случаѣ, литовцевъ въ Россіи около 2,000,000, и языкъ ихъ ужъ, конечно, самостоятельный. Г. Н. С. напрасно считаетъ литовцевъ народомъ безжизненнымъ и податливымъ, на томъ, между прочимъ, основаніи, что будто во время Гедиминовичей они усвоивали сначала малорусскій (скорѣе бѣлорусскій) языкъ, а потомъ польскій.

Во первыхъ, усвоивалъ чужіе языки вовсе не народъ, а администрація и администрація, которая собственно очень мало и заключала въ себѣ литовскіхъ элементовъ. Дворъ Гедиминовичей тѣмъ скорѣе могъ обезлитовиться, что онъ съ самаго начала былъ, можетъ быть, больше русинскій, чѣмъ литовскій; — такъ, однимъ изъ его гнѣздъ былъ Новгородъ въ Черной Русіи. Послѣ же Ягелла, дворъ этотъ, естественно, сталъ больше интересоваться Польшей, чѣмъ Литвой, чему помогало и навязанное Литвѣ католическое духовенство, которое, какъ вездѣ, стало и тутъ вводить письменность латинскую и которому литовскій языкъ былъ противенъ, какъ орудіе язычества и языческой поэзіи, когда то очень богатой въ Литвѣ. Въ край же Прусскомъ литовскій языкъ былъ рѣшительно преслѣдуемъ рыцарями—монахами. Обратили же вниманіе на этотъ языкъ образованные люди только со времени реформации, съ которой собственно и начинается дѣйствительное обращеніе литовцевъ въ

христіанство, — совпадающее повсюду въ сѣверной Европѣ съ началомъ письменности. Но и литовскую реформацию скоро заѣли іезуиты. Однакожь со времени реформации начинается литовская литература, которая, не взирая на католическую реакцію, не прерывается и до сихъ поръ. Больше всего для нея дѣлается въ Пруссіи, и если новѣйшія попытки не имѣютъ тамъ большой практической силы, такъ только потому, что тамъ осталось только 150,000 литвиновъ. Для такого количества людей въ Пруссіи по литовской литературѣ сдѣлано скорѣе много, чѣмъ мало. Практическое же значеніе получаютъ ученныя и литературныя работы прусскихъ литвиновъ, только оперишисъ на 2,000,000 литвиновъ русскійскіхъ. Эти послѣдніе не совѣмъ бездѣйствовали въ XIX ст. Сначала имъ удалось пробить кору католической невинности къ литовскому языку и создать церковно-популярную литературу. Дальше появились и свѣтскіе писатели, которые пробовали заговорить о самостоятельности отъ Польши. Но тутъ случилось событіе 1860—1863 г.; клерикализмъ увлекъ однихъ въ польскій лагерь; муравьевская московщина придушила всѣхъ. Русское правительство запретило печатать литовскія книги иначе, какъ кирилловскою азбукою, которой никто изъ мужиковъ литовскихъ не знаетъ. Не мудрено, что литовское литературное движеніе замерло. Но значить ли это, что литовскій народъ умеръ, или даже умираетъ?... Нѣтъ, онъ только живетъ въ самомъ себѣ. Церковь, даже католическая, признала, что ей безъ литовскаго языка обходиться нельзя, — и его изучаютъ духовные Жмудской епархіи. Тоже самое должна признать и школа свѣтская, и политическая пропаганда. Дайте Литвѣ свободу печати, свободу основанія литературныхъ обществъ, въ родѣ хотя Тильзитскаго, признайте литовскій языкъ хоть въ первоначальныхъ школахъ, откройте въ Варшавѣ и въ Вильнѣ хоть по одной кафедрѣ литовскаго языка, хоть по такой, какія есть въ нѣмецкихъ университетахъ, — да, подождавши хоть десять лѣтъ, и говорите тогда о томъ, способна ли къ жизни литовская народность, или нѣтъ. Теперь же всякія отрицательныя приговоры по меньшей мѣрѣ преждевременны. Говорить же, подобно г. Н. С., что «убивается надъ пробужденіемъ, во что бы то ни стало литовской сабытности было бы тѣмъ болѣе бесполезно», что «это въ сущности ни мало не соответствуетъ нашимъ (русскимъ) государственнымъ интересамъ», — значитъ, становится на точку зрѣнія, которая доведетъ и до муравьевщины. Народы вообще существуютъ не для государства, а государства для народовъ, — народы же государства съ разными національностями не существуютъ для какихъ то темныхъ государственныхъ интересовъ одного или двухъ народовъ, — а для самихъ себя, — и государство обязано удовлетворять интересы всѣхъ народовъ, а не только привилегированныхъ. Государственная національность есть такой же абсурдъ, какъ и государственная церковь; законъ долженъ быть такъ же безнационаленъ, какъ, говорятъ теперь, онъ долженъ быть безрелигіозенъ. Только на этомъ принципіи можетъ быть разрѣшенъ и тотъ польскій вопросъ, который занимаетъ

г. Н. С. Но это рѣшеніе не обидитъ и литовцевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

М. Драгомановъ.

ПИСЬМА О РАБОЧЕМЪ ДВИЖЕНІИ.

XII.

Отчетъ краковско-познанскаго делегата на международномъ социалистическомъ конгрессѣ въ Хутѣ объ условіяхъ дѣятельности польскихъ социалистовъ.

Сообразно рѣшенію хурскаго конгресса издать особой брошюрой собраніе отчетовъ о ходѣ и условіяхъ социалистическаго движенія въ разныхъ странахъ, одинъ изъ польскихъ делегатовъ прислалъ въ назначенную для этой цѣли редакціонную комиссію свой рапортъ, съ содержаніемъ котораго мы считаемъ своею обязанностію познакомить читателей «В. С.» Большая часть его посвящена русской части Польши, подъ которою отчетъ подразумѣваетъ, судя по содержащимся въ немъ цифровымъ даннымъ, исключительно «Конгрессовку». Впрочемъ, подъ конецъ авторъ прямо и употребляетъ этотъ терминъ въ приложеніи къ «русской части Польши». Передавая содержаніе этого, въ нѣкоторомъ родѣ официального, документа, мы воздерживаемся отъ всякихъ комментаріевъ къ нему, главнымъ образомъ вслѣдствіе нашего недостаточнаго знакомства съ реальными условіями жизни и общественными отношеніями населеній тѣхъ мѣстностей, о которыхъ говорится въ этомъ документѣ. «Нѣкогда столь популярный въ западной Европѣ «польскій вопросъ» не много содѣйствовалъ выясненію экономическихъ и социальныхъ отношеній въ нашей странѣ». Вниманіе всѣхъ было главнымъ образомъ поглощено кровавыми драмами, разыгрывавшимися на польской почвѣ; развитіе же внутреннихъ социальныхъ отношеній игнорировалось. Между тѣмъ, политическое убійство, совершенное надъ польскимъ государствомъ, было не болѣе, какъ простымъ эпизодомъ многолѣтняго социального преступленія, жертвою котораго сдѣлался польскій пролетаріатъ и продолжаетъ быть до сихъ поръ. Крестьянннъ былъ рабомъ въ Польшѣ независимой, какъ и въ подчиненной; таковымъ же онъ оставался и въ Польшѣ, борющейся за свою государственную независимость. Теперь онъ свободный наемный рабочій или же собственникъ земельного участка, покрытаго долгами. Въ сущности, онъ рабомъ не перестаетъ быть и теперь. «Первыя дымовыя трубы фабрикъ оказали гораздо большее вліяніе на дальнѣйшую судьбу польскаго рабочаго и ремесленника, чѣмъ три раздѣла Польши». Начало капиталистическаго развитія Польши относится къ эпохѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Послѣднее совершилось не одновременно въ разныхъ частяхъ Польши.

Въ русской Польшѣ крестьянство составляло 74% всего населенія. Указъ 19 февраля 1864 г. предоставилъ только 60% крестьянъ право выкупа земли. Такимъ образомъ, изъ 3,343,000 крестьянъ 1,300,000 остались чистыми пролетаріями. Четвертая часть тысячъ крестьянскихъ хозяйствъ получили въ общей сложности 7,219,000

*) Кстати, укажемъ еще одну неточность г-на Н. С. Онъ говоритъ, что Гильфердингъ потому будто бы «настаивалъ на непремѣнномъ созданіи литовской культуры, что часть литовскаго племени жпветъ, между прочимъ, въ бывшей Августовской, а по нынѣшнему Сувалкской и части Ломжинской губерніяхъ, т. е., въ коренныхъ польскихъ земляхъ, что, вѣроятно, возбуждало въ немъ надежду и тамъ, въ сердцѣ польщины, преслѣдовать нелюбимую имъ національность» (14). Начать съ того, что Гильфердингу, не смотря на то, что онъ не чуждъ былъ московскаго помысла, вовсе нельзя приписывать нелюбви къ полякамъ. Но, главное, непостижимо, почему г. Н. С. называетъ б. Августовскую губернію «сердцемъ польщины» и «коренными польскими землями». Искони вѣкомъ и теперь этотъ край заселенъ литвинами и даже во время существованія польскаго государства не входилъ въ составъ собственно Польши, а былъ частью В. Кн. Литовскаго. Административно соединенъ былъ этотъ край съ «коронными» землями только по образованіи Наполеономъ Герцогства Варшавскаго, изъ котораго послѣ паденія Наполеона образовалось присоединенное къ Россіи Царство Польское, Конгрессовка. Право, удивительно, какъ мало распространены у русскихъ публицистовъ этнографическія и историческія знанія о Польшѣ и соседнихъ земляхъ!